
В. П. АНИКИН

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРИУРОЧЕНИИ ПОСЛОВИЦ, Поговорок и Загадок

В последние годы исследователи приложили немало усилий, чтобы воссоздать историю развития устного народного творчества. При несомненных достижениях общая методология исторического изучения фольклора еще нуждается в основательной разработке. Важную часть этой работы составит установление принципов приурочения народно-поэтических произведений к определенным историческим эпохам, так как без этого изучение фольклора в связи с историей народа невозможно.

Сложность исторического приурочения народно-поэтических текстов известна каждому фольклористу. Особенно трудно решается этот вопрос, когда речь заходит о «малых» жанрах. Необыкновенная емкость и широта обобщений в пословицах, поговорках, загадках, некоторых видах календарной обрядовой поэзии позволяют относить их к ряду исторических эпох. Этого нельзя сказать о произведениях исторического эпоса (былинах, исторических песнях), легендах и некоторых других жанрах народного творчества, принадлежность которых к одной какой-либо эпохе более или менее определена, хотя и здесь отмечается влияние последующих эпох. Обычно возможна частичная трансформация системы образов. Можно также говорить о созвучии отдельных идей, сюжетных положений разным историческим эпохам. Однако во всех этих случаях речь может идти о позднейших «напластованиях», связь же «ядра» произведения с определенной эпохой более или менее ясна.

В отличие от таких жанров пословицы, поговорки, загадки и некоторые другие виды фольклора в каждую эпоху приобретали новый, присущий только этой эпохе смысл, форма же их изменялась значительно меньше, порой оставалась неизменной. Но это не означает, что невозможно определить, в какое время возникла та или иная пословица, поговорка или загадка.

Дореволюционная наука ставила вопрос об историческом изучении фольклора, о методе и приемах приурочения «малых» жанров к определенным периодам истории. В настоящей статье дается разбор и критика этих попыток историко-хронологического приурочения и ставится вопрос о новых путях анализа и приурочения «малых» жанров.

* *
*

Дореволюционная фольклористика очень рано установила непосредственную связь отдельных пословиц и поговорок с конкретными историческими событиями, обрядами, обычаями и особенностями быта. И. М. Снегиревым, Ф. И. Буслаевым и другими учеными выяснено, что некоторые пословицы и поговорки содержат отклик на исторические события, оставившие глубокий след в сознании народа. Это пословицы

типа: «Погибоша аки обри, их же нет ни племени, ни наследка», «Пусто, словно Мамай прошел», «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!», «Голодный француз и вороне рад» и пр. Для приурочения некоторых пословиц и поговорок потребовались обстоятельные разыскания. Взять, к примеру, пословицу «Подавайся по рукам, легче будет волосам» — т. е. мирись. Судебная практика древней Руси помогла разъяснить смысл этой пословицы и отнести ее к определенной эпохе, не позднее XVI в. На Руси существовал обычай решать судебное дело поединком на специально отведенном для этого месте. Соперники при свидетелях, под наблюдением «судных мужей», наклонов головы, хватали за волосы друг друга, и кто перетягивал, тот и признавался правым. Это была своеобразная форма «божьего» суда.

Установление связи с определенными историческими событиями и обычаями и в наше время может быть использовано как путь исторического приурочения пословиц и поговорок. Нам представляется, что пословица «Мста — не мзда»¹ восходит к временам «Русской Правды», регламентировавшей порядок денежного возмещения за оскорбление и даже убийство. Денежное возмещение сменило обычай кровной мести. Пословица отмечает противоположность старого и нового порядка. «Место — не поместье»² напоминает о том, что служебное место кормит лишь до тех пор, пока его занимаешь; поместья были учреждены в XVI в. и вскоре стали наследственным имением помещиков. Только после этого могла возникнуть пословица, отмечавшая разное положение занимающего место по службе и прочно сидящего в наследственном имении.

Число примеров подобного приурочения пословиц можно умножить. Однако проблема в целом не может быть решена таким путем. Уже Ф. Буслаев писал: «...Сколько бы ни набралось таких исторических пословиц, без сомнения, драгоценных и для историка, и для лингвиста, все-таки далеко не исчерпается ими все богатство народных речений»³. Число пословиц и поговорок, которые можно приурочить этим «методом», всегда останется несоизмеримо малым по сравнению со всей их массой.

То же самое можно сказать о загадках. Только немногие говорят об исчезнувших из народного быта предметах и явлениях, например: «Одна коптится, друга топчется» (курная изба: потолок и пол)⁴, «Серое сукно тянется в окно» (дым в курной избе)⁵, «И зиму и лето на одном полозу ездит» (волоковое окно)⁶. Кроме того, факт упоминания в загадках исчезнувших предметов быта еще не дает оснований для более или менее точной их датировки. Предметы быта, о которых говорят эти загадки, существовали обычно в течение долгих веков. Рамки хронологического приурочения становятся слишком широкими. Иное дело, когда загадки говорят о предметах и явлениях, сравнительно недавно вошедших в быт народа. Загадка о солдатском наборе: «У царя колокол по всей Руси»⁷ не могла возникнуть ранее XVIII в. Загадка о самоваре: «Медный бес на стол залез»⁸, вероятно, сложена каким-то противником «чайного зелья» и может быть отнесена к XVIII—XIX вв.

Необходимо сказать, что исследователи еще не использовали в должной мере тех возможностей, которые открывает привлечение дан-

¹ В. Даль, Пословицы русского народа, М., 1861—1862, стр. 112.

² И. Снегирев, Новый сборник пословиц и притчей, М., 1857, стр. 33.

³ Ф. Буслаев, Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. I, СПб., 1861, стр. 78—79.

⁴ Д. Садовников, Загадки русского народа, СПб., 1876, № 53.

⁵ Там же, № 154.

⁶ Там же, № 59.

⁷ Там же, № 2131.

⁸ Там же, № 2400.

ных этнографии, археологии, истории ремесел, промышленности, торговли — истории народа в широком смысле этого слова, а этот путь может дать много для хронологического приурочения. Конкретность и предметность загадок облегчают такое изучение. Бесспорно, что загадка о стреле: «Летит птица крылата, без глаз, без крыл, сама свистит, сама бьет»⁹ появилась значительно раньше загадки о пуле: «Птичка-невеличка, по полю катится, никого не боится»¹⁰. Загадка о «чугунке» — железной дороге: «Бежит конь вороной, много тащит за собой»¹¹, загадка о верстовом столбе: «Сам не видит, другим указывает»¹², не могли быть древними.

Когда же в загадках идет речь о таких «неизменных» предметах и явлениях, каковы береза, мороз, ветер, кровь, вода и пр., все внимание должно быть обращено на то, посредством каких образов они изображаются. Загадка о чернолесье и сосне или ели: «Все капралы поскидали кафтаны, один капрал не скинул кафтан»¹³, не могла возникнуть ранее XVII в., так как капральское звание младшего командного состава было введено лишь с этого времени и просуществовало до первой половины XIX в. Загадка о пчеле: «Не солдатка, не вдова, не замужняя жена, много деток уродила, богу угодила»¹⁴, смело может быть отнесена к XVIII—XIX вв., тогда как загадки: «Все бояре подпоясаны, воеводы — распоясаны» (одоные и снопы)¹⁵, «И рать и воеводу в один мах перевалил» (сон)¹⁶ относятся к временам допетровской Руси. Записанная в XIX в. загадка о проруби: «В новой стене, в круглом окне днем стекло разбито, за ночь вставлено»¹⁷ не могла быть создана ранее XVIII в., когда стекление окон стало входить в быт русского народа. (Существовавшие в XVII в. отдельные стекольные заводы поставляли стекло только царским и княжеским домам).

Сколь однако ни соблазнителен этот путь исторического приурочения, он, как легко убедиться в практической работе, не так уже точен и не всегда применим.

Другой путь хронологического приурочения «малых» жанров, который был предложен в дореволюционной науке о фольклоре, состоял в том, чтобы на основе анализа архаических слов и оборотов, вошедших в исследуемый текст, опознать эпоху, породившую эти слова и обороты, и, следовательно, отнести данный текст к этой эпохе. Этот путь исторического приурочения значительно менее эффективен и еще менее применим, нежели первый. Во-первых, архаические слова и обороты могли держаться в языке веками; во-вторых, в большинстве случаев они заменялись к XIX в. новыми словами и сохранялись лишь в том случае, если это было связано с рифмовкой, ритмикой или этот архаизм еще бытовал в народном диалекте. Так как архаические слова и обороты в народных произведениях, записанных в XIX в., не часты, то и приурочение на основе лингвистических данных возможно лишь в редких случаях. Тем не менее, и этим путем нельзя пренебрегать. Так, все пословицы и поговорки со словом «вор» возникли не ранее XVI в. «Вор у вора дубинку украл»¹⁸, «Где сборы, там и воры»¹⁹, «Поворачивайся,

⁹ Д. Садовников, Загадки русского народа, № 1421.

¹⁰ Там же, № 1417.

¹¹ Там же, № 1337.

¹² Там же, № 1335.

¹³ Там же, № 1403 б.

¹⁴ Там же, № 1451 б.

¹⁵ Там же, № 1272.

¹⁶ Там же, № 2052.

¹⁷ Там же, № 1498.

¹⁸ И. Снегирев, Русские народные пословицы и притчи, М., 1848, стр. 40.

¹⁹ И. Иллюстров, Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках, М., 1915, изд. 3-е, стр. 282.

как вор на ярманку (т. е. скорее)»²⁰ и др. Слово «вор» впервые отмечено в памятнике письменности XVI в.²¹ В древнерусском языке в значении «вор» употреблялось другое слово — «тать», которое и встречается в ряде других, более древних, пословиц и поговорок: «Тать не молотит, а только замки колотит»²², «Тати не жнут, а погоды ждут»²³ и пр. Эти пословицы могли возникнуть не позднее XVII в., так как слова «тать», «татьба» (воровство), обычные в памятниках письменности вплоть до XVII в., затем стали исчезать из обиходной речи. Архаическими они стали на рубеже XVII—XVIII вв. и, может быть, чуть позднее. Собиратели XIX в. уже не встречали пословицы и поговорки со словом «тать», но оно зафиксировано собирателями в XVII—XVIII вв. Старую пословицу «Тати не жнут, а погоды ждут» уже В. Даль записал с заменой слова «тати» словом «воры».

Лингвистический анализ в некоторых случаях должен принять особые формы. Внешне текст как будто не содержит никаких «аномалий», а вместе с тем он необычен. Такова, например, вологодская загадка о жерновах: «Два барашка грызутся, промеж них пена валит»²⁴. Вариант загадки — «Два борова дерутся, промеж них пена валит»²⁵. Во всех остальных вариантах загадки говорится о свиньях: «свинках», «хрюках», «поросятах», «веприках». Почему же в первом варианте — барашки? Лингвистический анализ позволяет нам заключить, что перед нами не ошибка загадавшего загадку. В древней Руси «боровом» называли не только кабана, но и барана, и такое значение слова «боров» зафиксировано письменным памятником XIII в.²⁶ Поздние памятники и областные диалекты не знают употребления слова «боров» в значении баран, и если в XIX в. записана загадка, сохраняющая древнее значение этого слова, то это значит, что она восходит к тому времени, когда слово «баран» и «боров» имели одно значение.

Третий предложенный в дореволюционной науке прием исторической «датировки» пословиц, поговорок и загадок основан на сравнительно-историческом анализе текстов, принадлежащих к фольклору разных народов, при условии, если между этими народами существовали культурные и родственные связи. Если установлено, что данный текст встречается у разных народов, то появляется возможность выяснить, в какую эпоху пословица могла перейти от одного народа к другому или к какому времени она восходит как общее достояние родственных народов. Взяв, к примеру, такие пословицы: «Нужда закон изменяет»²⁷, «Даровому коню в зубы не смотрят»²⁸, «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь»²⁹, «Клин клином выбивают»³⁰, «Нашла коса на камень»³¹. Первая из этих пословиц, помимо русских, была известна римлянам, французам, англичанам, сербам и чехам; вторая — римлянам, немцам, французам, многим славянским народам; третья — грекам, римлянам, французам, полякам и т. д. При установлении времени появления таких пословиц и поговорок у того или иного народа важно знать время первого свидетельства о ее бытовании и, если воз-

²⁰ Там же.

²¹ См.: И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, 1893, стр. 305.

²² И. Иллюстров, Указ. раб., стр. 282.

²³ И. Снегирев, Русские народные пословицы и притчи, стр. 295.

²⁴ Д. Садовников, Указ. раб., № 1088 з.

²⁵ Там же, № 1088 а.

²⁶ И. Срезневский, Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, слово «Боров».

²⁷ И. Снегирев, Русские народные пословицы и притчи, стр. 301.

²⁸ Там же, стр. 89.

²⁹ Там же, стр. 131.

³⁰ Там же, стр. 169.

³¹ Там же, стр. 257.

можно, ее «источник». Это в большинстве случаев удастся установить, так как пословицы и поговорки этого типа — обычно книжного происхождения или встречаются уже в первых памятниках письменности. Взяв, к примеру, первую пословицу: «Нужда закон изменяет». Источник ее — «Послание святого Павла» (VII, 12): «По нужде и закону пременение бывает». Европейским народам церковная литература стала известна с введением христианства. Только после этого к ним из Римской империи могло попасть это изречение и стать народной пословицей. У сербов это изречение приобрело вид пословицы: «Нужда закон изменjuje»; у чехов: «Nuzná potreba práwa lomí»; у французов: «Nécessité n'a pas de loi»; у англичан: «Necessity has no law». То же самое можно сказать о русской пословице: «Отцы ели клюкву, а у детей оскомина на зубах»³². Ее источник — в церковном изречении «Отцы ядоша терпкое, а зубам чад их оскомина быша» (Иезекииля, XVIII, 2). У русских и у чехов это изречение превратилось в пословицу (чешский вариант: «Otec jablka hryze, а synu laskomini»). Ее появление у этих народов стало возможно после распространения церковных книг.

Если источник пословицы неизвестен, за «исходную» точку ее движения от народа к народу или одновременного движения ее к разным народам приходится принимать первое известие о ее бытовании. Пословица «Ворон ворону глаза не выклюнет»³³ раньше всех народов зафиксирована у римлян: «Corvus corvo oculum non effodit» и от них могла перейти к немцам, сербам, полякам и русским. В конце прошлого века киевский исследователь И. Е. Тимошенко установил источники и прототипы трехсот таких русских пословиц и поговорок, перешедших от других народов³⁴. Эта работа, равно как и наблюдения других исследователей, помогает установить «хронологию» ряда пословиц и поговорок. Надо, однако, напомнить, что пословицы и поговорки этого типа чаще всего — книжного происхождения и их сравнительно немного. Кроме того, установление времени знакомства древней Руси с тем или иным иноземным памятником письменности сопряжено с крайними трудностями, при таком анализе остается много проблематичного. Надо учесть и то, что рамки хронологического приурочения в данном случае довольно широкие.

Что же касается общих пословиц и поговорок у родственных народов, здесь положение несколько облегчается. Близость пословиц и поговорок, например, у славянских народов во всей идейно-образной и стилистической системе, свойственной фольклору этих народов, дает основание для вывода о древнем происхождении текстов. Этот прием историко-хронологического приурочения фольклорных текстов, к сожалению, менее всего применялся, а он сулит немало ценных открытий, особенно для изучения древнейших периодов в развитии фольклора.

Взяв, к примеру, пословицу «В добрый час молвить, а в худой помолчать»³⁵. Ее происхождение идет со времен веры славян в «худой» и «добрый час», «черный день», «лихую годину». В это время, по древнему представлению, легко и быстро сбываются всякие дурные пожелания, высказанные человеком, подобно тому как в иное время легко сбываются добрые пожелания. Древность этой пословицы подтверждается аналогичной польской пословицей «W dobry scás mówić». Эти пословицы сохранились от того времени, когда у славян была единая ду-

³² И. Снегирев, Русские народные пословицы и притчи, стр. 314.

³³ Там же, стр. 39.

³⁴ Е. И. Тимошенко, Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок, Киев, 1897. В этом труде встречаются наряду с бесспорными фактами, и натяжки в сближении пословиц разных народов. Исследователю явно мешали некоторые ложные принципы анализа, свойственные компаративистам.

³⁵ И. Снегирев, Русские народные пословицы и притчи, стр. 51.

ховная культура. Суеверные представления способствовали сохранению пословицы у русских и поляков после того, как славянские племена превратились в народности, а затем сложились как отдельные нации.

То, что сказано относительно приведенной выше пословицы, вполне применимо и к другим пословицам: «Береженого и бог бережет»³⁶, «С чужого коня среди грязи долой»³⁷. Первая находит аналогии в польском фольклоре («Strzeżonego pan bóg strzeże»), вторая — в польском («Z cudzege konia i wszrod błota zsiadaj») и в сербском («С тудья конья на сред поля»).

От этих случаев надо отличать те, которые свидетельствуют о позднем взаимном влиянии устной поэтической культуры славянских народов. Такова пословица «Голодный и патриарх хлеба украдет»; она встречается у сербов — «Гладан и патријарх љеба дје (че) украсти». Такова и пословица «До неба высоко, до царя далеко», бытовавшая и на Украине («Бог высоко, пан далеко, а підпанки що хотят, то и зробят», и в Польше («Bóg wysoko, przyjaciel daleko»), и в Чехословакии («Pán-buch vysoko, kral daleko, a spravedlivosti w swete malo»). Первая пословица могла возникнуть только после принятия христианства, последняя — в условиях классового гнета. Эти пословицы — позднего происхождения, и распространение их у славянских народов можно объяснить лишь взаимовлиянием устно-поэтической культуры этих народов.

Среди загадок также наберется едва ли не сотня «международных». В кратких примечаниях, которыми Д. Садовников сопровождал свою публикацию свода загадок русского народа, неоднократно к отдельным текстам указываются параллели, встречающиеся у белорусов, украинцев, немцев, голландцев, татар, чувашей и др. Это весьма ценные сведения, которые могут натолкнуть на установление времени появления загадки у того или иного народа. Бесспорен, например, факт заимствования европейскими народами в эпоху средневековья знаменитой греческой загадки Сфинкса: «Утром — на четырех ногах, в полдень — на двух, вечером — на трех»³⁸. Сравнительное изучение загадок славянских народов также обещает много ценного для выяснения истории ряда народных загадок.

Последний прием исторического приурочения пословиц, поговорок и загадок, разработанный в дореволюционной науке, состоял в сравнительном изучении вариантов того или иного текста с целью выяснить древнейший «протип». Надо, однако, заметить, что этот прием, возникший на основе изучения былин, исторических песен, слабо применялся при изучении малых жанров, но забывать о нем не следует, так как при правильной методике он в отдельных случаях применим и к этим жанрам.

Исследователи очень рано обратили внимание на обилие вариантов пословиц, поговорок и загадок. При разборе этих вариантов, естественно, была осознана необходимость отделить наиболее древние от поздних. Первоначально эта работа осуществлялась учеными и собирателями на основе их личного опыта, преобладал субъективизм. В статье «Русский быт и пословицы» Ф. Буслаев в основу деления пословиц на древние и новейшие положил свою концепцию о двух главных периодах исторического развития этого жанра: периоде доисторическом и историческом, начало которому, по Буслаеву, было положено распространением в народе «христианских идей»³⁹. Первые пословицы — мифологи-

³⁶ Там же, стр. 12.

³⁷ Там же, стр. 392.

³⁸ Д. Садовников, Указ. раб., № 185.

³⁹ Ф. Буслаев, Указ. раб., стр. 79.

ческого содержания, вторые — порождение современного быта и такие, которые можно приурочить к определенному историческому событию, лицу или учреждению. Эта общая расплывчатая концепция в приложении к конкретным фактам не уберегла исследователя от различных домыслов. Буслаев не смог отделить действительно древних «мифологических», если употреблять его терминологию, пословиц и поговорок от тех, которые были созданы позднее. Его толкования вызвали законные возражения Чернышевского и Добролюбова.

Шаткость и необоснованность приурочения фольклорных произведений к разным историческим периодам заставили ученых конца XIX — начала XX в. разработать крайне тщательно систему определения древних и поздних самостоятельных текстов малых жанров, равно как и вариантов одного и того же произведения. К сожалению, эта система была построена на ложных основаниях. Древним «протипом» считался наиболее полный и совершенный текст. Этот «метод» опирался на следующие положения: фольклор в целом был признан творчеством отдельных одаренных личностей, владевших высокой культурой поэтического слова. С годами, десятилетиями и столетиями это «личное» творчество спускалось к «низам» и переосмыслялось, «искажалось» невежественными народными массами. Отсюда следовал вывод: относительно законченный и полноценный текст — самый древний. Советская наука отвергла эту порочную схему развития фольклора, предложенную «исторической школой» дореволюционной фольклористики. Народ в массе своей есть подлинный творец песен, былин, пословиц, поговорок и загадок; он не только не портил «исконного», первоначального текста, а, напротив, улучшал его, коллективно шлифовал, передавая от поколения к поколению. Степень совершенства есть показатель степени развития фольклорного произведения. Чем совершеннее его вариант, тем вероятнее его позднее происхождение. Вместе с тем, при сравнительном изучении вариантов фольклорных произведений надо всегда учитывать: продолжает ли активно жить это произведение или идет процесс его забвения, и художественное качество произведения начинает действительно падать.

Таким образом, под сравнительное изучение вариантов должна быть подведена подлинно научная историческая основа. Это касается не только сравнительного изучения вариантов былин, исторических песен, сказок, но и вариантов пословиц, поговорок, загадок. Такой анализ многое может дать. Так, в XIX в. в Псковской губ. была записана загадка: «Потекунчики текут, поросятинку везут, два кума Абакума, две сестры Авдотьи, пять Фалалеев, десять Андреев»⁴⁰. Здесь речь идет о саях, их полозьях (Абакумы), оглоблях (Авдотьи), вязях (Фалалеи), копыльях (Андреи). Без начальных слов загадка записана во многих вариантах и в разных местностях. Разгадку начальных слов дает другая загадка: «Певунчики поют (попы), ревунчики режут (родные и плакальщицы), текунчики текут (слезы), бегунчики бегут (ноги лошадей), сухо дерево везут (гроб)»⁴¹. Часть этой загадки о похоронах точно совпадает с начальными словами приведенной выше загадки о саях. «В том дереву не пижит, не визжит, не шевельнется»⁴², — говорится в другом варианте загадки о похоронах. Возможно, что и в первом варианте («Потекунчики текут...») речь шла первоначально о похоронах на саях, весьма древнем обычае, первые известия о котором идут с XI в.⁴³ После XIV в. в летописях нет упоминания о саях, на которых бы летом несли или везли

⁴⁰ Д. Садовников, Указ. раб., № 957 е.

⁴¹ Там же, № 2106.

⁴² Там же, № 2106 а.

⁴³ См. исследование Д. Н. Анучина: «Сани, лабья и кони как принадлежности похоронного обряда» (М., 1890).

умерших. По-видимому, обычай этот исчез и был возобновлен в XVII в. в княжеском и царском обиходе уже как обычай «древний», т. е. ушедший из народного быта. Петр I упразднил этот обычай и в ритуале царских похорон. Все это дает основания относить загадку к весьма далеким временам. По мере того, как забывался обычай, забывалась и сама загадка, отбросившая в большинстве случаев свое начало, возможно, более расширенное, в котором говорилось о похоронах, и в ней осталось лишь то, что касалось саней; в таком виде загадка записана во многих вариантах, только единичные сохранили прежнюю полную форму.

Сравнительное изучение вариантов становится особенно эффективным при сочетании с другими приемами исторического приурочения, как, конечно, и в других случаях анализа загадок.

Таковы основные предложенные академической дореволюционной наукой приемы исторического приурочения произведений фольклора. Первый прием можно назвать историко-комментаторским, второй — лингвистическим; третий состоит в сравнительном анализе культурно-исторических заимствований и общего достояния родственных народов, четвертый — в сравнительном анализе фольклорных вариантов. Все эти способы историко-хронологического приурочения могут и должны быть использованы в советской науке о фольклоре, но их недостаточно. Во-первых, они применимы не во всех случаях и не ко всем пословицам, поговоркам и загадкам; во-вторых, не всегда дают точное приурочение текстов. Кроме того, они применимы к любому жанру фольклора, в этом их сила, но в этом же их слабость: они не учитывают специфики малых жанров фольклора.

Самый надежный способ исторического приурочения произведений различных жанров может быть разработан на основе глубокого изучения тех специфических форм, которые принимает связь каждого жанра с историей народа. Надо изучить своеобразие жанра, его историческое происхождение, ту социальную функцию, которую он выполнял и выполняет в жизни народных масс, те этапы развития, через которые он проходил и в идейном и в формальном отношении на протяжении веков. Установление особенностей, свойственных фольклорным произведениям данного жанра, их идейно-образной системе на каждом историческом этапе его развития должно стать основой историко-хронологических приурочений. Это положение налагает на исследователей обязанность, помимо разработки общей методологии приурочения фольклорных произведений к историческим эпохам, разработать частную методологию, учитывающую специфические особенности каждого жанра.

Может возникнуть опасение, что проблема исторического приурочения фольклора попадает как бы в «заколдованный круг»: ведь историю развития жанра нельзя воссоздать, не обладая достаточным количеством текстов, точно приуроченных к определенным периодам времени. Из этого положения можно выйти только одним путем — использовать уже существующие формы исторического приурочения фольклора и с предельной глубиной всесторонне изучить те тексты, которые могут быть исторически приурочены на основе уже разработанных и применявшихся методов. Для того чтобы воссоздать историю развития народного творчества и тех форм, в которые отливались художественные произведения в каждую историческую эпоху, нельзя пренебрегать ничем — ни затейливой вязью орнамента на древнерусской чаше, ни наивным изображением перспективы в миниатюрах летописей, ни гневным обличением «бесовских» обрядов церковниками, ни раскопанной в кургане женской серьгой из самоцветов и серебра. Все это может оказаться полезным при изучении форм народного поэтического сознания в каждую историческую эпоху и дает возможность более точно соотносить произведения фольклора с определенными эпохами. Когда эта работа будет проделана (что уже воз-

можно при современном состоянии науки), историческое приурочение народно-поэтических текстов — в том числе и малых жанров — станет доступным и в тех случаях, когда разработанные в прошлом приемы не могут быть применены.

SUMMARY

Some of the proverbs, sayings and riddles clearly manifest a connection with the historical events, rites, customs and practices from which they stem. The essence of historical dating in this instance consists in identifying the period that gave rise to a certain work of folklore, by means of analysing the concrete details and the general content of that work. This is the first method of historical dating of folklore.

The second method consists in establishing, on the basis of an analysis of archaic words and expressions incorporated in the text under investigation, the period when these words and expressions were widely current, and consequently in attributing the given text to this epoch.

The third method of historical dating of sayings, proverbs and riddles is based on a comparative-historical analysis of texts belonging to the folklore of different peoples, provided the latter have, or had previously, various cultural contacts and affinities. The history of the passing of a text from one people to another makes it possible to date it.

The final, fourth, method of historical dating of proverbs, sayings and riddles, elaborated by pre-revolutionary science, consists in a comparative study of the variants of a given text with the aim of revealing the earliest form.

All these methods of historical-chronological dating, used by Soviet science, are not sufficient in themselves. The surest way of historical dating of «minor» — as well as of other — genres can be evolved on the basis of a profound study of the specific forms of the general connection between folklore and the history of a given people.

It is bringing out the characteristic features inherent in folklore works of a given genre on every historical stage of its development that should be made the basis of precise historical and chronological dating.
